

Этой ночью сама атмосфера казалась иной.

Едва закончился ужин, как Яньчи заметил: телохранители подле них действуют куда слаженней и стремительней, чем обычно. В их движениях сквозила готовность к решающей схватке, а если присмотреться — и некая едва уловимая натянутость, словно перед лицом смертельной угрозы.

Он попытался было расспросить Цзи Хуайчжэня, но тот лишь отмахнулся, велел не лезть не в своё дело.

Яньчи удручённо кивнул и больше донимать его не стал. Вместо этого он вновь разложил карту из овечьей шкуры, в сотый раз проверяя, безопасен ли путь, который он наметил для своего спутника.

Хуайчжэнь сразу разгадал эти бесхитростные метания. Поняв, что небрежное «не лезь» задело мальчишку, он подошёл сзади и обнял его, кольцом сомкнув руки на узкой талии. Его пальцы, не знающие стыда, тут же скользнули под пояс штанов.

Яньчи мгновенно перехватил его руку.

От столь прямолинейного и дерзкого жеста лицо юноши вспыхнуло пунцовым маком. Он слегка повернул голову, удерживая запястье Хуайчжэня и не давая ему продолжать.

«Разве... разве мы не занимались этим утром?» — едва слышно прошептал он.

Хуайчжэнь лишь изогнул бровь:

«Ну, как хочешь».

Он рванул руку, бросив на Яньчи вызывающий, почти насмешливый взгляд, и, как и ожидал, хватка на запястье тут же ослабла.

Хуайчжэнь продолжил свои ласки. Под его пальцами плоть, прежде мягкая, мгновенно налилась жаром и кровью — этот непутёвый малый, точь-в-точь как и его хозяин, совершенно не умел сопротивляться искушению. Тяжёлое, горячее естество теперь едва уместалось в ладони, став куда интереснее, чем в покое. Даже яички, неизменно прохладные на ощупь, Хуайчжэнь теперь бесстыдно перекачивал в руках, наслаждаясь этой запретной игрой.

Дыхание Яньчи стало тяжёлым и прерывистым. Карта была окончательно забыта; он резко обернулся и прижал Хуайчжэня к себе, не в силах больше терпеть эту пытку.

«Перестал притворяться?» — Хуайчжэнь выдохнул это ему прямо в ухо, продолжая дразнить его то сверху, то снизу.

Сила Яньчи была поразительна: он поднял Хуайчжэня так, что тот едва касался носками пола, буквально повиснув на плечах юноши. Набухшая плоть Яньчи, скованная тканью штанов, бугром упиралась в бедро Хуайчжэня, ища и не находя выхода.

Должно быть, Яньчи, лишь недавно познавший вкус плотских утех, никак не мог насытиться. Стоило им остаться наедине, как малейшая провокация Хуайчжэня пробуждала в нём дремлющую жажду. В его движениях сквозила необузданная страсть, которую он ещё пытался сдерживать, сам того не осознавая. Хуайчжэню было до боли в костях и сладостной дрожи в сердце приятно ощущать этот натиск. Он лишь одной рукой развязал шнурок на поясе юноши и прошептал:

«Прибереги силы для постели. Твой господин не из хрупких, этой ночью я готов пойти с тобой до самого конца».

Хуайчжэнь слов на ветер не бросал. Он подготовился заранее: ещё во время ужина специально велел подать Яньчи тушёную баранину с пряностями.

Юноша, вспомнив о чём-то, негромко хмыкнул.

«Ты всегда обещаешь, но никогда не держишь слова. Утром ты говорил то же самое, а стоило мне прикоснуться, как ты начал жаловаться на боль. Но когда я стал осторожнее, ты сам же обозвал меня никчёмным».

«Если я называю тебя дурнем, это не значит, что ты и впрямь должен быть тупицей. Неужели в постели нужно быть настолько послушным? К чему тебе тогда такие зоркие глаза?»

В постели Яньчи был хорош во всём, кроме одного — он был слишком, до невозможного исполнителен, что не на шутку раздражало Хуайчжэня.

«Тогда этой ночью... я не стану тебя слушать. Что бы ты ни говорил, я не остановлюсь. И не смей... не смей потом меня ругать».

Он поднял взгляд на Хуайчжэня.

В этом взгляде читалось нечто такое, отчего казалось, будто Хуайчжэнь намеренно издевается над ним: то ударит, то одарит сладостью. Яньчи с опаской пытался угадать, насколько искренни эти слова и как далеко ему позволено зайти в своём бесстыдстве.

Хуайчжэнь лишь усмехнулся, не приняв его угрозу всерьёз. За эти дни он изучил нрав Яньчи вдоль и поперёк: глупый малый, у которого желания хоть отбавляй, а смелости — кот

наплакал. В постели его нежность граничила с занудством.

«Принесите горячей воды!» — крикнул Хуайчжэнь в сторону двери.

Яньчи, только начавший стягивать с него одежды, тут же послушно остановился. Он знал, что сейчас слуги будут несколько раз заходить и выходить из комнаты, а Хуайчжэнь резонно рассудил: Яньчи слишком застенчив, чтобы позволить себе лишнее на глазах у посторонних.

Но стоило Хуайчжэню возгордиться своей проникательностью, как его запястье перехватили мёртвой хваткой. Яньчи резким движением утянул его за ширму.

Не дожидаясь, пока верхнее платье будет снято до конца, Яньчи прямо так прижал его к ширме и одним рывком сорвал шёлковый пояс с узором павлиньих перьев. Он бесцеремонно раздвинул полы одежд, обнажив стройные белые бёдра Хуайчжэня. От внезапного прикосновения холодного воздуха тот невольно вздрогнул.

Горячее тело прижалось к его спине. Яньчи властно развёл его бёдра, сдавив их с такой силой, что Хуайчжэнь не мог шевельнуться. Между его ног, в тесную ложбинку, втиснулось нечто твёрдое и обжигающее, медленно и мучительно толкаясь в самую чувствительную плоть.

В этот момент вошли телохранители с купальной лоханью. Они не смели даже взглянуть в сторону ширмы.

В тумане вожделения Хуайчжэнь слышал, как слуги один за другим вливают воду в кадки; звуки шагов были отчётливы до звона в ушах. Он вызывающе обернулся к Яньчи и одними губами выдохнул:

«Сяо Янь, неужели тебе совсем не совестно? Неужели ты не знаешь стыда?»

Яньчи лишь густо покраснел, не проронив ни слова. Его глаза потемнели от желания, в них вспыхнула опасная искра, какой прежде не бывало. Он бросил на Хуайчжэня предостерегающий взгляд.

Хуайчжэнь же давно забыл, что такое стыд. Когда ему было хорошо, он плевать хотел на приличия. Он уже открыл было рот, чтобы вскрикнуть, но в тот же миг чья-то ладонь накрыла его губы сзади. Эта большая рука, прохладная и сильная, была ему знакома до последней чёточки: она ласкала его, помогала одеваться, проникала в самую глубь его тела. Хуайчжэнь, окончательно отбросив гордость, подался навстречу и бесстыдно лизнул чужую ладонь.

Яньчи вдруг резко отдернул руку.

Прежде чем Хуайчжэнь успел понять, что произошло, его исподнее натянулось, болезненно впившись в пах. В следующую секунду раздался треск рвущейся ткани. Между ног повеяло

холодом — Яньчи просто-напросто разорвал его штаны в клочья.

Этот кусок шёлка, сохранивший едва уловимый мускусный запах, Яньчи скомкал и бесцеремонно запихнул Хуайчжэню в рот.

Виновник этого бесчинства, охваченный лихорадочным возбуждением, прижался к нему. «Этой ночью я не дам тебе вымолвить ни слова», — прошептал он, словно ласкаясь.

Великий наставник Цзи, с полным ртом ткани, на мгновение опешил.

Яньчи, подражая тому, как Хуайчжэнь обычно соблазнял его, неумело принялся лизать его ухо. От этого ласкающего движения ноги Хуайчжэня стали ватными; ему казалось, что за спиной его не человек, а изголодавшийся волк. Но Яньчи этого было мало: его твердое естество, зажатое между плотно сомкнутых бёдер Хуайчжэня, двигалось с первобытной жадностью. Горьковатая влага, сочившаяся из его плоти, уже намочила всё тело Хуайчжэня, и Яньчи раз за разом пытался раздвинуть тесную ложбинку, чтобы ворваться внутрь.

Хуайчжэнь лишь приглушённо мычал. Его собственный орган давно окреп и теперь, прижатый к холодной ширме, изнывал от возбуждения, готовый вот-вот излиться. И в тот момент, когда он окончательно потерял связь с реальностью, его ягодицы властно обхватили. Яньчи всем телом навалился на него, упёршись лбом в плечо Хуайчжэня, и жадным взглядом уставился вниз, туда, где их тела вот-вот должны были слиться воедино.

Видя, как багровая плоть дюйм за дюймом исчезает в его сокровенной глубине, Яньчи едва сдерживал стон. Он прерывисто выдохнул Хуайчжэню прямо в затылок. От этого звука Хуайчжэнь возбудился ещё сильнее; всё его существо теперь жаждало лишь одного. Забыв о боли, он бесстыдно подался назад, стремясь поглубже заглотить ту часть плоти, что ещё оставалась снаружи.

Яньчи, казалось, упивался этим зрелищем — тем, как Хуайчжэнь сам тянется к нему. Его глаза налились кровью, когда он следил за тем, как каждая жилка на его напряжённом органе уходит внутрь. Плотная плоть Хуайчжэня побелела от напора; при каждом толчке Яньчи проникал до самого дна, окончательно покоряя это тело, хотя часть его естества всё ещё оставалась снаружи.

Этого было мало, бесконечно мало, чтобы утолить его жажду. Яньчи на миг замер, сбивчиво дыша, и бросил на Хуайчжэня вороватый, почти испуганный взгляд.

Почувствовав, что юноша намерен продолжать свой натиск вглубь, Хуайчжэнь мгновенно обернулся и гневно сверкнул глазами.

Обычно такой глубины было более чем достаточно для его наслаждения. Всё, что шло дальше, приносило лишь острую боль.

Хуайчжэнь умел жалеть себя как никто другой. Плевать ему было, насколько хорошо Яньчи, — он уже начал извиваться, пытаясь вырваться. Но стоило ему пошевелиться, как трение в месте их соития отозвалось громким всплеском влаги, и в глазах Яньчи вожделение вспыхнуло с новой, пугающей силой.

Он с ещё большей властью прижал Хуайчжэня к ширме. Прямо так, стоя, он вбивался в него дюйм за дюймом, неумолимо и глубоко.

Хуайчжэнь не мог ни выплюнуть кляп, ни проглотить его. От этого неистового напора у него по коже побежали мурашки. Впервые в жизни он познал, что значит быть взятым силой, и в этот миг, позабыв о сладострастии глубокого проникновения, он принялся яростно клясть Яньчи про себя.

«Да чтоб тебя... проклятый Янь... только попробуй войти до конца...»

«Паршивец, за кого ты меня принимаешь... ты зашёл слишком... слишком далеко...»

Видя его пунцовое лицо и то, что у господина Цзи ещё остались силы негодовать, Яньчи немного успокоился — значит, боль была терпимой. Он бросил взгляд вниз и, увидев, что вошёл полностью, решил: пусть ругается. В конце концов, фамилия его вовсе не Янь, так что пусть клянёт чьих угодно предков — он всё стерпит.

Сейчас он был готов на всё, лишь бы это мгновение длилось вечно. Он обнимал Хуайчжэня и не мог надивиться: как же этот человек может быть так хорош?

Помня, что Хуайчжэнь не жалуется поцелуев, Яньчи осыпал ласками его плечо, целовал влажные от пота виски, пока Хуайчжэнь снова не задрожал от возбуждения. Его ругательства сменились сбивчивым стоном; он больше не хотел проклинать род Яньчи — он хотел лишь, чтобы Яньчи не смел останавливаться.

Теперь юношу не нужно было подгонять. Он вбивался в него, крепко держа за ягодицы, глубоко и часто. Вскоре в месте их близости начала хлупать белесая пена, обильно выступая наружу — зрелище было до крайности порочным.

Яньчи, не зная, что это, лишь смущённо и жадно наблюдал за этими следами их страсти. Не выдержав, он коснулся их рукой — влага была густой и горячей, пропитанной ароматом вожделения. Он не смел сказать об этом Хуайчжэню, боясь гнева, лишь осторожно следил за выражением его лица. Видя, что тот в экстазе вцепился в ширму, а его плоть истекает соком, Яньчи окончательно отбросил сомнения. Он раз за разом, с пугающей точностью, наносил удары в самую чувствительную глубину.

Хуайчжэнь никогда прежде не чувствовал, чтобы в него входили так глубоко. Казалось, Яньчи вот-вот проткнёт его насквозь. От этой неистовой силы голова шла кругом; он невольно коснулся своего живота и действительно ощутил там твёрдый бугорок, который двигался под

его ладонью в такт безумным толчкам Яньчи.

Позабыв о недавней боли, Хуайчжэнь сам направил руку юноши к своему животу.

Яньчи и сам не ожидал, что сможет зайти так далеко, и не на шутку испугался.

«Больно?»

Он вытащил изо рта Хуайчжэня мокрый лоскут шёлка.

Тот лишь гневно сверкнул глазами и прохрипел:

«К чему этот маскарад? Если я скажу, что больно, ты что — остановишься?»

Яньчи виновато отвел взгляд и принялся преданно целовать его в ухо.

В этом был весь Хуайчжэнь: пока Яньчи не проявлял силы, он капризничал и вредничал, но стоило юноше взять верх, как он тут же входил во вкус. Познав сладость глубоких толчков, он бесцеремонно велел Яньчи нести его на кровать — и непременно так, не вынимая плоти, чтобы не прерывать это неистовое движение.

Яньчи выглянул из-за ширмы и, убедившись, что дверь заперта, осторожно понес Хуайчжэня к постели.

Он подхватил его под бёдра, словно ребёнка; при каждом шаге его естество глубоко вонзалось внутрь. Хуайчжэнь совсем потерял голову от наслаждения, думая про себя, что этой ночью Яньчи явно переел баранины — уж слишком смелым он стал.

Нужно будет и впредь его так кормить.

Но тут его внезапно прошиб холодный пот: о каком «впредь» может идти речь?

Он не успел до конца прочувствовать это странное, острое удовольствие — когда в тебя входят на ходу, — как они уже оказались у кровати. Хуайчжэнь даже досадовал, что путь от ширмы до ложа оказался таким коротким. Яньчи, не меняя позы, опустил его на постель. Орган юноши на миг выскользнул, и Хуайчжэнь увидел, как его нутро, словно зная вкус этой добычи, судорожно сжалось, выталкивая белесую пену.

Яньчи, чья плоть была густо покрыта их общими соками, казался в лунном свете пугающим и величественным. Его мужское естество, блестящее от влаги, выглядело ещё массивнее, отчего у Хуайчжэня пересохло во рту. Его верхняя одежда была в беспорядке, штаны валялись где-то

на полу; он послушно растянулся на кровати, выставив напоказ стройные белые ноги, и покорно ждал, когда Яньчи снова возьмёт его. На его поясице уже начали проступать синяки — следы пальцев Яньчи, терявшего контроль.

Яньчи обхватил его за щиколотку и потянул на себя, но угол был неудобным: головка соскользнула, лишь мазнув по нежной плоти. Из-за обилия влаги и смазки Яньчи не смог войти с первого раза и, окончательно потеряв терпение, одной ногой упёрся в край кровати, а рукой направил свою плоть и с силой вогнал её внутрь.

Хуайчжэнь ахнул от этого мощного удара, едва не вжавшись всем телом в доски кровати. Яньчи казался худощавым, но тело его было крепким и тяжёлым; когда он наваливался сверху, от него веяло чистой, первобытной агрессией. Теперь он стоял на одном колене, упираясь другой ногой в ложе, и вбивался в Хуайчжэня с неистовством породистого кобеля.

Должно быть, осознав всё бесстыдство этой позы, Хуайчжэнь снова принялся осыпать его проклятиями, называя и ослом, и псом, и скотиной.

Яньчи огляделся, ища тот лоскут шёлка, но не нашёл его. Однако вынимать плоть из этого «павильона тающих ароматов», этой нежной ловушки, он не желал ни под каким видом.

Наконец, устав от ругани, он наотмашь шлёпнул Хуайчжэня по ягодице.

«Почему у тебя такой ядовитый язык?!»

От этого удара Хуайчжэнь вздрогнул всем телом, чувствуя, как душа едва не отлетает от наслаждения. Ему было уже не до обид на то, что Яньчи посмел упрекнуть его. А юноша, ударив, принялся ласкать и разминать ушибленное место, продолжая неистово вбиваться в него.

С Хуайчжэнем в постели только так и можно было: не ударишь — не подчинится, не возьмёшь силой — не признает власти; стоит дать слаbinу — и он тут же сядет тебе на шею.

Под конец Хуайчжэнь пожаловался, что в этой позе у него болят колени, и велел Яньчи лечь на бок и брать его сзади. Но когда они сменили положение, Яньчи снова оказался сверху, лицом к лицу.

Он закинул длинные ноги Хуайчжэня себе на талию, упёрся локтями по обе стороны от его головы и, не отрывая взгляда от его лица, продолжал методично и глубоко входить в него. Капли пота с его лба падали на щеки Хуайчжэня.

Хуайчжэнь невольно зажмурился, и на миг ему показалось, что в их близости проступило нечто иное — нежность, почти супружеское единение.

«Дело дрянь».

Если бы это было просто соприкосновение плоти — куда ни шло. Но Хуайчжэнь больше всего боялся этого взгляда Яньчи.

Глаза у мальчишки были особенные — таохуаянь, «глаза цвета персика», вечно влюблённые, способные говорить без слов. Облик его был суровым, даже хищным, но когда он смотрел вот так — в его взоре было столько обожания, что сердце невольно сжималось.

Ладно бы он просто был ветреным соблазнителем — с этим Хуайчжэнь бы справился. Беда была в том, что даже в разгаре страсти Яньчи смотрел на него так, словно перед ним был весь его мир.

Должно быть, выражение лица Хуайчжэня стало слишком странным. Он затих, перестал царапать спину Яньчи, и юноша, решив, что ему снова неудобно, прошептал:

«Я ведь сделал, как ты просил... чем ты снова недоволен?»

Он прижался ещё плотнее, так что их сердца, разделенные лишь кожей и мышцами, забились в едином ритме.

Хуайчжэнь смотрел на него, и в голове его пронеслась почти безумная мысль:

«Ну какой же ты дурак... как же ты будешь жить дальше? Ведь тебя так легко обмануть...»

Его лицо пылало от страсти, но взгляд в этот миг был кристально чистым, лишённым всякого тумана похоти. Он ещё долго смотрел на Яньчи, затем горько и беспомощно усмехнулся и сам притянул его к себе за шею. Яньчи, почувствовав, что тот близок к разрядке, стал действовать мягче, находя именно тот ритм, который Хуайчжэню нравился больше всего.

«Боишься, что меня обманут?» — Яньчи прерывисто дышал. Он входил до самого предела, но выходил лишь на самую малость, крепко держа Хуайчжэня за бедра, притягивая к себе.

Хуайчжэнь запрокинул голову. Нефритовая заколка давно потерялась, его волосы разметались по подушке черным шелком, на лбу выступил пот.

«Скажи спасибо, если сам меня не обманешь», — пробормотал Яньчи. Он сжал Хуайчжэня в объятиях так крепко, словно хотел срастись с ним телами. Его движения стали стремительными, пока Хуайчжэнь не излился в экстазе, а следом за ним и Яньчи, стиснув зубы, наполнил его своим семенем.

В момент разрядки он не удержался и больно прикусил плечо Хуайчжэня. Его пальцы

судорожно впилась в матрас, он всё ещё продолжал толкаться, пока последние капли жара не покинули его тело.

Спустя мгновение Яньчи окончательно пришел в себя. Приподнявшись на руках, он взглянул на Хуайчжэня, но тот лишь отрешенно смотрел в пустоту.

Не выдержав, юноша склонился и коснулся губами уголка его рта. Но стоило ему попытаться углубить поцелуй, как Хуайчжэнь уперся ладонями в его грудь, заставив Яньчи отстраниться и выпустить его плоть, уже начавшую терять твердость.

Этот лентяй, который обычно вел себя в постели как капризный барин, в этот раз изменил своей привычке. Не дожидаясь, пока Яньчи подаст ему одежду, Хуайчжэнь молча и быстро оделся сам.

Яньчи недоуменно смотрел на него:

«Что случилось?»

Хуайчжэнь не отвечал. Он вдруг обернулся и посмотрел на Яньчи так, словно о чем-то напряженно раздумывал, в чем-то сомневался. От этого взгляда у Яньчи тревожно забилося сердце — он почувствовал, что всё вокруг неумолимо меняется.

Хуайчжэнь протянул руку и коснулся щеки юноши. Его пальцы нежно скользнули по векам этих прекрасных, любимых им глаз.

«— Как хорошо», — тихо произнес он.

«Что хорошо?» — Яньчи растерянно смотрел на него.

Хуайчжэнь промолчал. Он лишь еще раз, очень внимательно, окинул взглядом лицо Яньчи, словно желая навсегда запечатлеть его в памяти.

За дверью раздался негромкий стук. Это был телохранитель.

«Господин, всё готово. Мы можем выступить в любую минуту. Дева Бай с людьми уже отправилась в монастырь Цинъюань».

Хуайчжэнь коротко бросил: «Ступай», велел человеку удалиться.

Яньчи охватила необъяснимая тревога. Он вскочил с постели, даже не успев одеться. Но в те мгновения тишины Хуайчжэнь уже принял решение. Яньчи и не догадывался, что в эти

секунды наставник Цзи проявил к нему высшее милосердие и даровал жизнь. Юноша стоял на коленях на измятой постели, глядя на Хуайчжэня с немим вопросом.

«Что происходит? Лу Шии?»

«Что с тобой... Мы уезжаем прямо сейчас? Почему ты не сказал мне? Я... подожди меня немного, я мигом оденусь. Я готов ехать прямо сейчас».

Но Хуайчжэнь уже повернулся к выходу.

У самой двери он вдруг остановился и в последний раз посмотрел на этого наивного, ничего не понимающего юношу.

«Я уйду, — с легкой улыбкой произнес он. — А ты... впредь береги себя. Дальше надейся лишь на себя».

<http://bllate.org/book/15318/1373008>